

ПУШКИН И КЮХЕЛЬБЕКЕР

Источник: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969.

Под. ред. ак. В. В. Виноградова. Составление В. А. Каверина и З. А. Никитиной.

Электронная версия: Александр Продан.

Оригинал находится по адресу: **Библиотека Александра Белоусенко**

Общение Пушкина и Кюхельбекера было непрерывным в течение 1811--1817 гг. -- в лицейское время; с гораздо меньшей уверенностью можно говорить об их общении в годы 1817--1820; с 1820 г. -- времени ссылки Пушкина на юг и заграничной поездки Кюхельбекера -- они более не виделись. В 1828 г. Пушкин, как известно, встретился в последний раз с Кюхельбекером на станции Залазы, когда того перевозили из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую.¹ Эта биографическая схема, ограничивающая время общения 20-м годом, вмещает интенсивные литературные споры Пушкина и Кюхельбекера; споры (приводящие в ряде случаев к согласию) идут о центральных вопросах литературы. Новые материалы дают возможность установить в этой схеме с достаточной ясностью новые факты.

1

Первое стихотворение Пушкина, появившееся в печати, -- "К другу-стихотворцу" (1814). Со стороны литературных комментариев вещь сомнений не вызывала -- пятнадцатилетний Пушкин выступил в печати как приверженец литературных взглядов школы Карамзина и противник "Беседы любителей русского слова", нападающий на старые имена "бессмысленных певцов", вокруг которых в то время шла оживленная полемика (Тредьяковский), и на имена литературных "староверов" -- Шихматова, Хвостова, Боброва (Рифматов, Графов, Бибрус); при этом он противопоставил им объединенные в одном стихе разнохарактерные имена Дмитриева, Державина, Ломоносова -- явление обычное в полемике карамзинской школы, не нападавшей на признанные авторитеты.

Гораздо менее освещен вопрос о поводах к написанию стихотворения и об адресате -- "друге-стихотворце". Предполагать абстрактное "послание" и абстрактного адресата -- "Ариста"² -- здесь не приходится не только потому, что все послания Пушкина уже в лицейскую пору конкретны, но и потому, что такой адресат и такие поводы имеются. *

Дело в том, что сюжетом послания является не столько литературная полемика, сколько вопрос о профессии поэта: к Аристу обращены уговоры не "лезть на Геликон", во-первых, потому, что "не тот поэт, кто рифмы плесть умеет" ("Страшись бесславия"), и, во-вторых, потому, что "катится мимо их Фортуны колесо".

Вопрос о профессии, вернее о роде службы и занятий, а позже, при Энгельгардте, о "карьере", был одним из самых основных вопросов лицейской жизни. Согласно официальному "постановлению" лицеисты были "юношеством, особо предназначенным к важным частям службы государственной",³ но эта официальная формула прикрывала большие противоречия. В частности это относится к Кюхельбекеру. Письма матери Кюхельбекера Юстины Яковлевны за лицейские годы дают доказательства острой нужды семьи Кюхельбекеров, жившей надеждами на случайные наследства, протекции и т. д. **

* Ю. Г. Оксман первый высказал предположение, что послание обращено к Кюхельбекеру (см. "Дневник В. К. Кюхельбекера", редакция, введение и примечания В. Орлова и С. Хмельницкого. Л., "Прибой", 1929, стр. 318).

** Мать принуждена отказать Кюхельбекеру, который хочет брать уроки игры на скрипке, по неимению средств; точно так же она неоднократно упоминает, что не может приехать в Царское Село повидать его из-за дороговизны передвижения (извозчик стоил 25 рублей); так же остро обстоит вопрос и с лицейскими "долгами" Кюхельбекера.

Вместе с тем мать Кюхельбекера, урожденная фон Ломен, происходившая из служилого балтийского дворянства, систематически, от письма к письму, развивает целую систему взглядов на "служение отечеству" -- государственную службу и зорко следит за наклонностями сына.

Как была далека часть лицеистов ко времени окончания лицея от их первоначального официального предназначения, видно из того, что Кюхельбекер серьезно мечтает о профессии школьного учителя в провинции, в чем встречает отпор со стороны матери, указывающей, что не для того он учился в лицее.